

Вебер М. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. М: Прогресс, 1990,805с.

Вебер М. ИЗБРАННОЕ: ОБРАЗ ОБЩЕСТВА. М: Юрист, 1994.705с.

Ретроспективное осмысление мировой философской классики часто оборачивается ее новой интерпретацией. Данное утверждение в полной мере относится к М.Веберу, ренессанс которого стал характерной чертой современной науки. С этой точки зрения выход в свет его трудов закономерен и заслуживает пристального внимания. До настоящего времени полное академическое издание собрания сочинений Вебера отсутствует. В Германии ведется работа над таким изданием¹, однако дело осложняется тем, что многие рукописи ученого носят фрагментарный или промежуточный характер. Даже главный труд "Wirtschaft und Gesellschaft" ("Хозяйство и общество") не был завершен, а его посмертная публикация Марианной Вебер представляла собой не что иное, как сведение воедино различных частей, в неодинаковой степени подготовленных к печати. Это ставит перед публикаторами и комментаторами сочинений Вебера ряд серьезных проблем эвристического и содержательного толка: какие работы следует издавать, как быть с текстуальными и логическими противоречиями, наконец, как эволюционировали взгляды философа с течением времени и под влиянием обстановки, в которой он творил.

Судьба идейного наследия Вебера очень напоминает судьбу идейного наследия Маркса и тех религиозных пророков, о которых он писал: отсутствие единого сводного и завершенного — "канонического" текста создает возможность для различных интерпретаций. Не исключена в принципе вероятность обнаружения новых текстов (как было с рукописями других крупных мыслителей) или свидетельство них, позволяющих по-иному представить эволюцию воззрений авторов. Отчасти это уже имеет место, поскольку выход в свет каждого нового тома собрания сочинений Вебера (например, появившегося недавно X тома о русской революции) сопровождается оживленной дискуссией. Отсюда вытекают как позитивные, так и негативные следствия: с одной стороны, невозможно или по крайней мере трудно догматизировать учение, превратить его в пресловутую марксистскую "отмычку", с другой — существует опасность, что представители современных течений будут навязывать Веберу собственное видение мира и использовать его авторитет для легитимизации своих взглядов.

В силу определенных обстоятельств наследие Вебера не могло стать предметом всестороннего обсуждения в отечественной социологии. Многие идеи были восприняты нашими исследователями из англо-американской литературы, где они уже претерпели трансформацию. Наиболее известный перевод Вебера на английский язык, сделанный Т.Парсонсом, и его комментарий с позиций структурно-функциональной школы по сути дела по-новому интерпретировали веберовское учение, восприятие которого "отраженным светом" оказывалось далеко не всегда аутентичным. В частности, ряд положений, взятых вне общего контекста его работ, получил более расширенную трактовку, с которой сам германский мыслитель вряд ли бы согласился. Данное обстоятельство привело к возникновению различных, даже противоположных, школ при интерпретации таких ключевых категорий, как "рационализация", "харизма", "бюрократия". Современные обществоведы спорят о том, являются ли эти категории онтологическими или чисто гносеологическими, отражают ли тенденции глобального развития или только европейского, характеризуют линейные процессы или дискретные и прерывающиеся во времени. По-разному трактуются и политические пристрастия ученого — он предстает то либералом, то сторонником авторитарного правления — и его роль в истории Веймарской республики. В советский период очень велик был соблазн

¹ Об этом уже рассказывалось в журнале. См. Давыдов Ю.Н. О пользе чтения старых писем (Социологический журнал, 1995, N 1).

использовать веберовские категории для оправдания идеологического господства партии и т.д.

Каждая из интерпретаций (традиционалистская, неокантианская, неомарксистская, бихевиористская, структурно-функциональная, структуралистская, культурологическая, неофрейдистская и т.д.) неизбежно становится новым прочтением Вебера, несет на себе отпечаток национальных особенностей, своего времени, характера обсуждаемых проблем. Образ Вебера, созданный его учеником и основателем экзистенциализма Карлом Ясперсом в эпоху Веймарской республики, отличается от того, который сформировался в послевоенной Америке благодаря Парсонсу и Р.Бендиксу, марксистские трактовки Франкфуртской школы отличаются от либеральной интерпретации француза Раймона Арона, от критического восприятия Вебера в советской России и, наконец, от его современного понимания. Вполне правомерно поэтому включение в рецензируемое издание различных отзывов, хотя они и не исчерпывают всего разнообразия существующих мнений. Какие компоненты учения германского мыслителя наиболее значимы для нас сегодня?

Рецепция идей Вебера в России происходит на фоне краха марксистской идеологии и вызванного им методологического вакуума, при этом побочным результатом, хотим мы того или нет, является определенное заполнение такого вакуума. В хаосе различных идейных влияний и их доморощенных толкований социология Вебера служит надежным ориентиром и прекрасной отправной точкой для многих научных направлений, но тем не менее остается продуктом своей эпохи. Ее научное применение сегодня возможно лишь при выполнении трех условий: если будет установлено, во-первых, то, что хотел сказать сам ученый, во-вторых, то, насколько его выводы приняты последующей наукой и соответствуют накопленным в ней данным и, в-третьих, что дает его метод для социологического анализа современного общества.

Постулированное Вебером отделение факта от оценки стало главным этапом в создании современной социологии и ее метода. Противопоставив свой подход метафизическим учениям прошлого, он замкнулся в области чисто эмпирических изысканий. Вебер нашел оригинальное решение поставленной Риккертом проблемы о соотношении номотетического и идеографического знания, которое состояло в преодолении существующего между ними разрыва благодаря исследовательской фантазии. Речь идет о создании завершенных образов — "идеальных типов" изучаемых явлений, или, говоря нынешним языком, — их моделей. Тем самым исследователь из пассивного наблюдателя превращается в творца, овладевающего реальностью с помощью нового категориального аппарата, который, в свою очередь, развивается по мере обобщения конкретного материала. Суть метода Вебера лучше всего выражена в его кредо — "Наука как призвание и профессия". У идеальных типов много общего с художественными образами, а деятельность ученого отличается от произведения искусства скорее целью и способами исполнения, чем методом и средствами. Главное — это не сбор фактов, а их осмысление, то есть новая научная идея. Идеи появляются благодаря целеустремленному труду и вдохновению, а лучшие из них — как синтез того и другого. Ряд статей Вебера, посвященных проблемам познания, категориям понимающей социологии и основным социологическим понятиям, позволяет представить обоснование метода и логику его применения при разработке таких категорий, как социальные отношения и социальное действие, типы социального поведения, институты, легитимность.

Конструирование "идеальных типов" путем широкого сравнительного анализа осуществлено Вебером преимущественно в трудах по социологии религии. Принципиальное значение имеет публикация важнейших из них на русском языке. В рецензируемых изданиях это "Протестантская этика и дух капитализма", "Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира", "Хозяйственная этика мировых религий", "Социология религии". В первом произведении предельно четко

сформулирована ключевая исследовательская парадигма Вебера — влияние протестантской аскезы на формирование рационального капиталистического хозяйства.

Современная наука оперирует гораздо более обширным фактическим материалом, нежели тот, который был доступен Веберу. Многие сделанные им выводы, особенно о религиях Азии (конфуцианстве, буддизме), нуждаются в пересмотре, ряд положений об иудаизме и православии, организации протестантских сект может быть существенно дополнен (отметим, что эта сторона дела недостаточно отражена в комментариях). Тем не менее упомянутые работы дали сильнейший импульс современным исследованиям. Достаточно сказать, что полемика с Вебером по этим вопросам и сейчас ведется фактически в тех терминах, которые он ввел в оборот. Предложенный им метод как нельзя более отвечает стремлению понять общее и особенное в русском культурно-историческом процессе, преодолеть разрыв исторической традиции, образовавшийся в результате революции, определить, исходя из этого, направление возможных социальных изменений. Проблема, поставленная славянофилами и западниками и разрабатывавшаяся затем всей русской социологией, получила у Вебера систематическое осмысление и социологическое решение.

Идея рационализации, понимаемой как последовательное преодоление традиционных институтов, норм и форм мышления и поведения, составляет основу концепции модернизации, доминирующей при объяснении современных социальных и политических преобразований. Наконец, главный вопрос, которым занимался Вебер — о причинах возникновения рациональной европейской культуры и отсутствии ее в остальных частях света, — выводит нас непосредственно на ситуацию в России и в развивающихся странах. Этот вопрос (он, несомненно, еще долго будет привлекать внимание мировой науки) Вебер анализировал на примере генезиса капитализма. Развернувшаяся на рубеже веков острая дискуссия вокруг того, присутствует ли капитализм как форма хозяйственной организации в различных социально-экономических системах, и если да, то какие социальные условия привели к превращению отдельных элементов данной организации в целостную систему именно в новое время и именно в странах Западной Европы, побудил Вебера обратиться к таким темам, как аграрная история Рима, средневековый город, а отчасти и хозяйственная этика мировых религий. Конечно, можно спорить, насколько оправдан европоцентризм Вебера и его нынешних комментаторов, однако совершенно очевидно, что развитие буржуазных отношений, составивших фундамент современной западной цивилизации, стало возможным благодаря уникальной взаимосвязи ряда материальных и духовных факторов, исторически реализовавшихся во всей совокупности именно в странах Западной Европы. Интерпретируя "идеальный тип" капитализма с точки зрения своей теории каузальных связей как основы исторического объяснения, Вебер, в отличие от исторического материализма Маркса, считает его стержнем не один экономический фактор, а взаимодействие сознания и поведенческих установок с уровнем развития техники. Такой подход, базирующийся на внимательном изучении хозяйственной этики мировых религий, позволяет выявить активную роль поведенческих установок в процессе первоначального накопления, показать социальные следствия данного процесса. Возникает, в частности, возможность объяснить парадокс, с которым так и не справилась марксистская теория, — почему при одинаковом уровне развития экономических отношений и техники формируются различные идеологические и политические системы. Сейчас этот вопрос перемещается в практическую плоскость: почему, несмотря на все усилия, рациональные буржуазные отношения в современной России так и не сложились, а попытка их привнесения извне встречает непонимание? Ответ следует искать именно в области традиций социального поведения, социальной психологии и правовой культуры населения.

Важный вклад в политическую социологию внесла веберовская концепция власти, в частности, его учение о различных формах легитимности последней (традиционной, рациональной и харизматической), которые во многом определяются поведенческой

ориентацией доминирующих социальных групп. В современных дискуссиях часто упускается из виду, что основные идеальные типы легитимности разрабатывались Вебером в рамках его социологии религии и предназначались прежде всего для интерпретации различных форм коллективного поведения и религиозного господства в особом типе "иерократических" союзов — религиозных движений, общин, сект и церкви. Вебер отмечал ограниченность их применения вне этой сферы, хотя и использовал соответствующую терминологию при интерпретации различных форм светской власти в лице демагогов, тиранов, партийных вождей. Расширительную трактовку эти термины получили уже в наше время главным образом при характеристике тоталитарных государств именно потому, что они во многом напоминают предшествующие теократические государства с идеологически детерминированным способом властвования. Переход от монархического правления к однопартийной идеологической диктатуре и от нее — к плюралистической демократии в нашей стране лишь в очень общей форме может быть описан в веберовских категориях. В этой связи установление точного смысла ключевых терминов в их первоначальном значении весьма актуально. Сам Вебер, говоря в своих политических сочинениях позднего периода о перспективах власти большевиков в России, пришел к не вполне точному выводу: он предсказывал, что идеологическая власть партии будет заменена военной диктатурой, иначе говоря, не осознавал возможности появления принципиально новой формы — тоталитаризма.

Как известно, Вебер считал бюрократию результатом процесса рационализации и одновременно его движущей силой. Отсюда и основной прогноз — будущее принадлежит бюрократии, которая постепенно завоевывает общество путем его рационализации. Осознавая эту тенденцию как величайшую угрозу и главное противоречие будущего, Вебер усматривал способ его разрешения в трансформации самой бюрократии — от привилегированного политического слоя к рациональному — администрации, действующей в рамках парламентской системы и четких предписаний закона. Отсюда интерес ученого к развитию этого социального слоя, его историческим формам, структуре и функциям. Вебер впервые обратил внимание на неоднозначность собственности на средства производства и контроля над ними. Появление между непосредственными производителями и собственниками управленцев и усиление их роли в распределении и перераспределении ресурсов — доминирующая тенденция новейшего времени. В лекции "Политика как призвание и профессия" Вебер показал важнейшие политические следствия данной тенденции при переходе от монархии к системе партийного господства. Современные споры о революции менеджеров, новом классе, номенклатуре, бюрократической коррупции при всех различиях исходных установок фактически опираются на веберовскую парадигму и тем самым признают ее отправной точкой исследований. Между тем, социология продемонстрировала и ограниченный характер данной парадигмы. Бюрократия (даже рациональная) отнюдь не всегда выступает источником рационализации, при известных условиях она может стать носителем дисфункции. Именно это мы наблюдаем сегодня в нашем обществе, где бюрократическая коррупция стала реальной заменой подлинных социальных реформ.

Издание сочинений Вебера не только позволит интегрировать его творчество в отечественный научный процесс и преподавание, но даст возможность переосмыслить многие его идеи в свете того громадного опыта, который дала мировая и российская история в XX веке. Решение этой задачи непосредственно связано с поиском нашей социологией своего места под солнцем и оригинальной исследовательской перспективы.

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ, доктор философских наук